

Н. В. Самсонов.

Эри, Виктор, Лопатин, Евг. Трубецкой и, вот, Самсонов... Московская философия щедро платит дань нашему смутному времени!

Профессор бывшего, ныне упраздненного, историко-филологического факультета московского университета Николай Васильевич Самсонов скончался (26 сентября) в Преображенской больнице после тяжелой душевной болезни, 43 лет, в расцвете творческих сил. Москва давно знает это имя. Какое бы ни затевалось,—литературное, ученое, учебное,—дело, всюду, где нужна была эстетика, первым называлось имя Самсонова. А ближайшие его друзья и товарищи по специальности знали, что это имя—и первого знатока по вопросам эстетики в России. Эрудиция Самсонова в этой области, можно смело сказать, была исчерпывающей. Литературных итогов своих работ Самсонов уже не увидит, но мы еще будем учиться у него. Рукописи готовы и ждут печатного станка.

С исчерпывающим знанием эстетики Самсонов соединял широкое философское образование и выдающееся дарование филолога. В два последние года им был выполнен Гераклов подвиг—перевод на русский язык всего Плотина,—подвиг, который был бы и тогда велик, если бы переводчик выполнил его не в два года, а во столько лет, сколько значит Эннеада.

Самсонов не раз говорил, что эстетик-теоретик должен владеть техникою какого-нибудь искусства. Происходивший из семьи музыканта, он с детства был приучен к смычку, никогда не покидал его и владел им мастерски. Прекрасно знакомый с историей и теорией музыки, он был также композитором. Его музыкальные произведения, среди которых есть большие трио и квартет, также ждут света.

Долго еще он сам о себе будет напоминать нам!

Его болезнь была непродолжительна, но тяжка. Болезнь овладела истощенным организмом раньше времени и делала свое дело быстро; смерти досталась работа еще более легкая и короткая.

Тесненький в собственной квартире, гонимый из нее, живший в холоде и голоде (он не получал даже академического пайка),—посиневшей и в ранах рукою дописывал Самсонов свои последние строки. Нельзя было оторвать его от письменного стола: равнодушный ко всему, кроме своего призвания, с лихорадочной напряженностью работал он последние годы,—как бы в предчувствии того, что мы теперь создаем ясно и знаем твердо: заменить его на его посту нечем!

Г. Шпет.

1921, IX, 20.

Д. Э. Гундуков.

Следом за О. А. Правдиным, на завтра после его смерти, труппа Малого театра потеряла Дмитрия Эрастовича Гундукова. Он не был боевою силою, он не был в главном созвездии этого театра. И мало замечала Гундукова публика, хотя иногда, в ролях маленьких, эпизодических, он умел обрадовать ее правдивым, выпуклым, оваян-

ым искренностью юмора образом, умел то насмешить, то тронуть. Это был актер типа и сценической манеры незабвенного Макшеева, но, конечно, куда меньшего калибра, меньшей художественной одаренности. Когда он был в школе, учеником А. И. Южина в «Филармонии»,—он возбуждал больше надежды. Они сбылись лишь отча-